
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

В. М. АЛПАТОВ

ЯПОНСКАЯ ПРИРОДА И ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Изучение национальных языковых картин мира в последнее время очень популярно, особенно у нас. Много уже существует исследований по английской, русской и ряду других картин мира, есть исследования и по японской картине мира, более всего в самой Японии, но появляются такие работы и у нас (Гуревич 2005). Безусловно, данная проблематика весьма сложна, хотя, казалось бы, написать работу в этой области довольно просто. Кажущаяся простота связана с тем, что сбор фактов обычно больших трудностей не представляет: фактов очень много, и они часто, что называется, валяются под ногами. Но научного метода и критериев отбора таких фактов пока не существует, многое можно проверять лишь интуицией и здравым смыслом. Говорить о языковых представлениях народа в целом всегда трудно из-за значительных социальных и прочих различий внутри него. К тому же на основе языковых данных весьма трудно разграничить современные представления носителей языка и представления их далеких предков, в «окаменелом» виде сохранившиеся в языковых формах; об этом более семидесяти лет назад писал наш замечательный ученый В. И. Абаев (1934). Наконец, вопросы языковой картины мира того или иного народа легко связываются с этнической мифологией, а то и с вненаучными спекуляциями; это относится и к Японии, о чем мы ниже еще будем говорить. Исходя из всех этих аргументов, видный российский языковед А. Я. Шайкевич недавно предложил даже ввести мораторий на изучение национальных картин мира по языковым данным (Шайкевич 2005: 19).

История и современность, № 2, сентябрь 2007 219–230

Разумеется, такие исследования не могут прекратиться, а ряд фактов не может не привлекать внимания, хотя всегда нужно принимать меры предосторожности против слишком вольного полета мысли. Один из аспектов данной проблемы – отражение в языке природных условий, в которых находятся его носители, и оценки ими этих условий. Для такого языка, как японский, такое отражение должно быть особо значимым, поскольку его носители около двух тысячелетий живут на одной и той же территории, а природа этой территории (по крайней мере, до последнего времени) менялась мало.

Такое отражение в ряде случаев несомненно, особенно если сравнивать японский язык с другими. В отношении родственных связей этого языка наиболее разработана и доказательна гипотеза о его принадлежности к алтайской семье (Старостин 1991), а роль алтайского компонента в формировании японского языка признается всеми. Но в большинстве алтайских языков, прежде всего в тюркских и монгольских, очень дифференцирована скотоводческая лексика. Существует много не синонимичных названий различных видов скота и лошадей. Совсем иная ситуация в японском языке. Эти названия гораздо менее дифференцированы даже по сравнению с европейскими языками, не говоря о тюркских и монгольских. Например, в большом японско-английском словаре (Masuda 1974) японскому слову *ushi* даны пять эквивалентов: *cattle; a cow; a bull; an ox; a bullock* (по-русски эквивалентов как минимум четыре: *крупный рогатый скот, корова, бык, вол*); японскому *hitsuji* – шесть: *a sheep; a ram; a ewe; a wether; a shearling; a tegg* (ср. русские: *овца, баран, валух, ярка* и т. д.). То же относится и к лошадям. Чтобы специально указать, что речь идет о корове, а не о быке, можно лишь сказать *meushi* – «самка крупного рогатого скота».

Причина этого очевидна. Переселившиеся около двух тысяч лет назад на Японские острова кочевники, алтайцы, приспособились к условиям японской природы, где горный рельеф и недостаток пастбищ мешал и мешает развитию скотоводства. Разумеется, разведение скота было известно в Японии, а японские воины ездили верхом, но в целом все это не играло в жизни Японии столь большой роли, как в Европе и тем более в Центральной Азии. Мне

однажды пришлось наблюдать такую сцену. Группа японских туристов увидела семью редких для Японии животных и пришла в замешательство, поскольку долго никто не мог вспомнить их название. Потом один из группы вспомнил, что животное называется *yagi*, после чего все долго повторяли это слово. Животные были домашними козами.

В то же время названия рыб и морепродуктов очень дифференцированы, что тоже не требует особых объяснений. Крупнейший японский языковед XX в. Киндайти Харухико писал в книге (Kindaichi 1957; 1978), материалы которой мы в дальнейшем будем использовать, что в японском языке понятие *рыба* может выражаться семью словами: *sakana* – «живая рыба; рыба как продукт», *uo* – «живая рыба», *gyoogui* – «рыба как зоологический класс; Рыбы (созвездие)», *gyooniku* (буквально *рыбье мясо*) – «рыба как продукт», *kaigyoo* – «морская рыба», *kawazakana* и *kawaui* – «речная рыба».

Но есть и более сложные случаи. Один из них заставил автора данной статьи когда-то, больше тридцати лет назад, когда он работал на советской космической выставке в Японии, задуматься о японской картине мира. При рассказе о советских космических программах иногда приходилось сталкиваться с вопросами: «Что такое Марс?», «Что такое Венера?». В СССР тех лет подобное было немислимо. Разумеется, в японском языке для планет есть соответствующие слова (*kasei* – «Марс», *kinsei* – «Венера» и др.), а каждый современный японец сталкивается с ними в школе, но существенного значения в японской картине мира эти слова явно не занимают. Все они (как и большинство названий звезд) являются книжными заимствованиями из китайского языка, которые легко забываются после окончания школы. В чем здесь дело? Вероятно, до начала освоения космоса основным, что заставляло обращать внимание на небесные светила, была ориентация по ним. Она важна либо на открытой местности, либо в открытом море. Но на Японских островах рельеф сильно пересечен и богат ориентирами, а на море их жители редко плавали далеко от своих берегов (период сравнительно интенсивных связей с Китаем был недолог, продолжившись с VIII по X в.). С XVII по XIX в. Япония вообще была закрытой страной, а активное освоение японцами морских про-

странств началось лишь в XIX в., когда ориентировались уже не по звездам, а по навигационным приборам. Правда, в японской культуре есть некоторые мифы и легенды, связанные с отдельными звездами, но это – китайское влияние.

Безусловно, в японском языке находят отражение горный рельеф и влажный субтропический (исключая север и крайний юг страны) климат с частыми изменениями погоды, которые, однако, довольно мало отклоняются от среднестатистических значений по годам при строгом чередовании сезонов. Максимальные холода, максимальная жара, сезон дождей, время цветения сакуры или сливы и пр. приходятся большей частью примерно на одни и те же дни года. И это отражается и в языке, и в языковых привычках людей. Год в Японии традиционно разделен на 24 сезона, которые отмечаются в календарях (о весьма сложной структуре каждого листка японского календаря см.: Фельдман 1974). Например, период с 6 по 20 января называется *shookan* – «сезон вторых по суровости холодов», период с 20 января по 3 февраля – *daikan* – «сезон самых суровых холодов», с 6 по 20 мая – *rikka* – «начало лета» и т. д. В Японии, где существует очень развитая традиция церемониальных письменных текстов (поздравлений, соболезнований и т. д.), один из развитых жанров – «сезонные приветствия» (*jikoo no aisatsu*). Каждый сезон имеет определенные клише такого рода; если сезон связывается с неприятной погодой, посылаются стандартные выражения сочувствия. Имеются, например, *yokan-mimai* – «письмо с беспокойством о здоровье во время холодов поздней зимы», *kanchuu-mimai* «письмо с беспокойством о здоровье в середине зимы», *shochuu-mimai* – «письмо с беспокойством о здоровье в сезон жары» и т. д. При этом вовсе не обязательно, например, чтобы *shochuu-mimai* писали во время реальной жары: так принято писать в определенные дни года. Анализ сезонных посланий на японском языке смотрите в специальных работах (Бессонова 2000; 2003: 19–20).

В упомянутой выше книге Киндаити Харухико отмечен ряд примеров отражения в японской лексике природных особенностей. В языке много обозначений ветра, часть из которых может быть передана на западных языках лишь описательно, например, *kogara-shi* – «холодный влажный зимний ветер». То же относится к видам

рельефа и водных пространств. Например, в европейских языках трудно отразить разницу между не синонимичными словами *oki* – «открытое море» и *nada* – «неспокойное открытое море». Киндаити отмечает и богатство словаря во всем, что связано с водой, ее видами (морская, речная, дождевая вода), влажностью, промоканием и т. д. Даже самому слову «вода» в японском языке соответствуют два слова: *mizu* – «холодная вода (от комнатной температуры и ниже)» и *yu* – «горячая вода». Отмечается многочисленность фразеологизмов и пословиц, связанных с водой. Конечно, уподобление человеческой жизни течению воды – не особенность японской языковой картины мира, но пословицы такого рода характерны для Японии (Гуревич 2005: 99). Например, *Hito no yukue tomizu no nagare* – «Ход жизни и течение воды» (то, что нельзя предугадать); *Saigetsu to ryuusui wa hito o matazu* – «Время (годы и месяцы) и текущая вода не ждут человека». Отметим, что если названия сезонов – заимствования из китайского языка (письменный этикет в Японии тесно связан с китаизмами), то слова, о которых идет речь в данном абзаце, – исконно японские.

Особо следует остановиться на важнейшем для японского языка различии внутреннего (*uchi*) и внешнего (*soto*) пространства. Само по себе это различие прямо не связано с природными условиями Японии. Однако представляется, что на его роль в японском языковом сознании повлияла многовековая изолированность страны. Как уже говорилось, период интенсивных контактов Японии с Китаем был недолгим; затем жители Японии мало сталкивались с чужеземцами, а продолжавшееся влияние китайской культуры шло более через книгу, особенно в период закрытия страны. Японскому миру всегда была свойственна самодостаточность. Она не исключала весьма активного внедрения иностранного опыта самого разного рода (сначала китайского и корейского, позднее европейского и американского). Однако за редкими исключениями (50–60-е гг. XIX в., оккупация США в 1945–1952 гг.) это внедрение в отличие от большинства азиатских стран шло не под давлением извне, а в соответствии с интересами самой Японии. Следует учитывать также, с одной стороны, этническую и языковую однородность населения Японии, с другой стороны, сравнительно малое число японского населения за ее пределами. Родственное, по-

видимому, японцам по языку население Кореи было ассимилировано еще в первые века новой эры, а более или менее массовая эмиграция из Японии существовала лишь около полувека в конце XIX в. и в первой половине XX в. Поэтому граница между японским и неапонским ощущается весьма четко.

Но и внутри Японии границ достаточно много. Японцы живут на большом количестве островов, а крупные острова делятся на изолированные части горами. В прошлом связь между разными частями Японии была затрудненной, но и сейчас в менее развитых частях страны региональная обособленность продолжает ощущаться. Традиции продолжают сохраняться даже в условиях урбанизации. Японцы, уже не в первом поколении живущие в больших городах, помнят об исторической родине своих предков (*furusato* – буквально «старая деревня») и периодически ее посещают. В языковой области при малом распространении языков меньшинств в обычном смысле их место во многом занимают японские диалекты, часто довольно сильно расходящиеся между собой вплоть до полного непонимания. Хотя под влиянием школы и СМИ уровень владения литературным (стандартным) языком в стране высок, ряд диалектных особенностей, прежде всего в области акцентуации, сохраняется у многих японцев на всю жизнь, даже если они давно не живут там, где родились.

Можно предполагать, что все это повлияло на первостепенную значимость данного противопоставления. Т. М. Гуревич пишет об этом: «Восприятие мира через призму **ути vs. сото** представляет собой явление психологического характера, оно связано с социокультурными традициями, определяет восприятие японцем окружающего его мира и людей, и вещей» (Гуревич 2005: 59). Она же сравнивает данную оппозицию в японском языке и оппозицию определенности – неопределенности в английском и других западных языках, где есть артикли. В японском языке, впрочем, нет единой грамматической категории, связанной с этим противопоставлением, но оно проявляется в самых различных языковых областях, начиная с пословиц и устойчивых словосочетаний и кончая развитой системой так называемых форм вежливости (*keigo*).

Многие японские языковые штампы и пословицы отражают это противопоставление (подробнее см.: Гуревич 2005: 63–68), оттуда

взяты и примеры. При этом внутреннее, свое пространство (*uchi*) всегда имеет положительное значение, а внешнее, чужое пространство (*soto*) – отрицательное. Так, процедура очищения в синтоистских храмах сопровождается словами: *Fuku wa uchi, oni wa soto* – «Счастье внутрь, черти наружу». Сравните также пословицы, где внешний мир, помимо слова *soto*, может проявляться в слове *tanin* – «чужой человек» (это же значение может приобретать и слово *hito* – «человек»). *Tanin no shiromeshi yori uchi no awameshi* – «Своя чумиза (лучше), чем чужой рис», *Tanin no meshi ni hone ga aru* – «В чужом рисе кости». Сфера *soto* временна, непостоянна: *Tanin wa toki no hana* – «Чужой человек – временный цветок». Внешний мир – опасный мир, и лучше жить в мире *uchi*, а это слово также значит «дом» (хотя два значения пишутся разными иероглифами). Выражение *tanin-gyooji* – «манеры (для) чужого человека» – означает «сдержанные манеры». Еще одна пословица дает совет: *Hito no koto yori ashimoto no tame o hiroe* – «Чем (заниматься) делами других, лучше подбирать бобы под ногами». Некоторые пословицы отражают относительность противопоставления *uchi* – *soto*: *Keitei kaki ni semegedomo soto ni anadori o fusegu* – «Братья ссорятся за забором, но снаружи поддерживают друг друга».

Противопоставление *uchi* – *soto* в большинстве случаев вовсе не следует понимать как противопоставление «я – другие», как это может показаться из перевода некоторых примеров. Сфера *uchi* – обычно не сфера «я», а сфера «мы», а ее противопоставление сфере *soto* не абсолютно, а относительно. Каждый японец является членом многих коллективов, начиная от семьи и кончая Японией. В зависимости от ситуации он может объединяться с различной по характеру и величине группой людей. Вне этих объединений, как правило, остаются люди, именуемые словом *gaijin* – «чужой человек», причем китайская по происхождению морфема *gai* пишется тем же иероглифом, что *soto*. Если *tanin* – любой человек, относимый к чужим в данной ситуации, то *gaijin* обладает явными признаками чужеродности: расовыми отличиями от японцев, незнанием японского языка. Несколько десятилетий назад японские дети, увидев американца или европейца, бежали за ним с криками: *Gaijin!*; мы сталкивались с этим (правда, не в Токио) даже в 80-е гг. Сейчас этого слова нередко избегают, заменяя на *gaikokujin* –

«иностранец», буквально «человек чужой страны». Но отношение к иностранцам как к заведомо чужим далеко не исчезло.

Для японцев очень характерно противопоставление «языка для своих» и «языка для чужих». Если внутреннее пространство (*uchi*) – вся Япония (или группа японцев, противопоставленная иностранцам, например японские туристы за рубежом), то в качестве «языка для своих» выступает любая, в том числе литературная форма японского языка. А «языком для чужих» в последние шестьдесят лет обычно оказывается английский; мы встречали японцев, убежденных в том, что все белые люди говорят на нем. Хотя уровень владения английским языком вопреки стереотипным представлениям иностранцев невысок (в основном из-за отсутствия мотивации), но японцами не всегда приветствуется, если по-японски говорит иностранец, особенно представитель другой расы. Во многих других странах дело, как известно, обстоит совсем иначе. Бывает, что в ответ на японскую речь иностранца ему отвечают по-английски; особенно удивляет многих японцев случай, когда иностранец может по-японски не только говорить, но и читать и писать. Один из первых английских специалистов по Японии Б. Х. Чемберлен жаловался в начале XX в., что в Японии на белых людей, говорящих по-японски, смотрят как на говорящих обезьян (цит. по: Miller 1982: 77).

Особенности японского менталитета в данном отношении демонстрирует, например, такой случай. Крупнейший отечественный исследователь японского языка Е. Д. Поливанов в 1914 г. изучал диалект рыбацкой деревни в районе Нагасаки. Он был полиглотом и быстро научился на нем говорить, но допустил серьезную с точки зрения японского речевого поведения ошибку, начав на нем разговаривать со своими информантами. Это было им неприятно, и они прекратили общение с Поливановым, человеком иной расы, хотя в то время в деревне мало кто знал литературный язык (Sugito 1982).

Сейчас, конечно, в Японии стремятся не допустить обвинений в расизме и сохранять политкорректность, но языковой изоляционизм не исчез, о чем в довольно резкой форме писал видный американский японист Р. Э. Миллер (Miller 1982). Число иностранцев, говорящих и даже читающих по-японски, за последние десятилетия

заметно выросло, но по-прежнему в Японии сильно интуитивное ощущение того, что иностранец, говорящий по-японски, нарушает правила коммуникативного поведения. И очень часто в этой стране говорят, что японский язык – чуть ли не самый трудный в мире, а иностранец не может его полноценно освоить. Известный современный японский лингвист М. Сибатани в книге, посвященной строю японского языка, вынужден специально заниматься разоблачением этого мифа (Shibatani 1990: 89–90). С другой стороны, появляются квазинаучные доказательства этих идей вроде ставшей на некоторое время бестселлером книги «Мозг японцев» (Tsunoda 1978), где утверждается существование уникального японского мозга, отсутствующего у европейцев, китайцев и корейцев, которые из-за этого не в состоянии полноценно освоить японский язык. Вообще одна из особенностей японского национализма – активное использование языковой аргументации, о чем мы уже писали (Алпатов 1999).

Теперь, когда знание литературного языка повсеместно, каждый японец имеет возможность пользоваться двумя языковыми образованиями: языком школы и телевидения и языком семьи и ближайшего окружения. Если при международном общении литературный японский язык выглядит как «язык для своих», то в японской среде он выступает как «язык для чужих». Конечно, происходит некоторая интерференция между языковыми образованиями, но в основном две системы четко разграничиваются в языковом сознании. Нам приходилось видеть по телевидению, как деревенские женщины, сначала говорившие друг с другом на диалекте, увидев направленную на них камеру, перешли на вполне стандартный язык.

Диалекты сохраняют свои функции, но структурно меняются. Традиционные диалекты в чистом виде почти исчезли, их место заняли языковые образования, именуемые в Японии «новыми диалектами» (*shinhoogen*), а в отечественной традиции называемые полудиалектами. В них сосуществуют черты традиционных диалектов и литературного языка, а иногда появляются особые черты, ранее нигде не встречавшиеся (в лексике и даже в грамматике). Отношение к диалектам, нередко отрицательное в период распространения вширь литературного языка, теперь стало иным. Записи

речи последних чистых носителей «старых диалектов» хранятся в полугосударственной теле- и радиоконпании NHK вместе с головами знаменитых артистов. В школе уже не отучивают от диалектных особенностей, но учат не смешивать две системы. В провинциальных школах бывает курс «Как правильно говорить на диалекте», который трудно представить, скажем, у нас или во Франции. Тем самым диалект получает нормирование. Но ясно, что дать норму каждому диалекту и говору невозможно, речь фактически идет об ограниченном числе региональных вариантов японского языка. Они считаются законным средством общения со «своими». Дети обычно впервые овладевают именно такими разновидностями языка, позже осваивая литературный язык сначала через телевизор, затем в школе.

В социолингвистике в наши дни принято разграничивать понятия диалекта и регистра. Обычно считается, что диалектами пользуются разные люди в однотипных ситуациях, а регистрами один и тот же человек в разных ситуациях. В современной Японии диалекты превращаются в регистры, поскольку практически нет людей, владеющих только ими, но они обязаны использоваться в определенных ситуациях. Причина – неосознанное (иногда и осознанное) желание опять-таки обособить сферу *uchi*, иметь особый язык для нее.

Последний из вопросов, связанных с противопоставлением внутреннего и внешнего пространства, который мы (по необходимости кратко) затронем – развитая и разнообразная система так называемых форм вежливости (по-японски *keigo*). Точнее, следует говорить не о формах вежливости, а о формах этикета: вежливость индивидуальна, а этикет социально обусловлен, и именно этикет обуславливает необходимость употреблять те или иные слова и грамматические формы в определенных условиях. Анализ этих форм и соответствующих им по значению лексических единиц – слишком большая тема для короткой статьи, мы в прошлом уже этим занимались (Алпатов 2006; 2003: 71–89). Отметим здесь лишь аспект, включающий эту систему в то же противопоставление внутреннего и внешнего пространства (*uchi – soto*). Этот признак действует наряду с другим признаком – иерархичности, тесно с ним переплетаясь. Так называемые вежливые формы (как формы

вежливости к собеседнику, так и формы вежливости к субъектам или объектам соответствующих действий) употребляются и по отношению к высшим по социальному положению, полу или возрасту, и по отношению к чужим, не входящим в единую группу лиц с говорящим. «Вес» каждого из признаков может быть различным, причем очень часто отношения *uchi – soto* перевешивают. Приведем лишь один пример, нами уже разбиравшийся (Алпатов 2006: 40). Когда служащие компании говорят о своем начальнике, они, по правилам японского этикета (в последнее время в данном случае не всегда соблюдаемым), должны употреблять вежливые формы. Начальник при этом может рассматриваться не только как высший, но и как чужой, не входящий в группу, состоящую из его подчиненных. Но вот в ту же компанию заходит посетитель, к которому, поскольку он чужой, надо обращаться с использованием вежливых форм. Если же в этом диалоге речь заходит о начальнике, то служащие не могут уже использовать вежливые формы. Свой начальник теперь входит в группу сотрудников компании, и выразить этикетное почтение к нему означает проявить неуважение к посетителю, хотя тот может в социальной иерархии стоять ниже.

Итак, японский мир даже в эпоху глобализации остается во многом замкнутым, что отражается и в языке. Конечно, как уже было сказано в самом начале, категорических заключений здесь лучше избегать.

Литература

Абаев, В. И. 1934. Язык как идеология и язык как техника. *Язык и мышление*. Вып. II. Л.

Алпатов, В. М.

1999. Языковой аспект японского национализма. *Япония: мифы и реальность*. М.

2003. *Япония: язык и общество*. М. (Изд. 1-е. М., 1988.)

2006. *Категории вежливости в современном японском языке*. М. (Изд. 1-е. М., 1973.)

Бессонова, Е. Ю.

2000. Клише в дискурсе японских сезонных посланий. *Восток: история, филология, экономика*. Вып. 2. М.

2003. *Клише в эпистолярном стиле японского языка. Автореф. дис. ...канд. филол. наук*. М.

Гуревич, Т. М. 2005. *Человек в японском лингвокультурном пространстве*. М.

Старостин, С. А. 1991. *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. М.

Фельдман, Н. И. 1974. Листок японского календаря. *Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада*. М.

Шайкевич, А. Я. 2005. Русская языковая картина мира в ряду других картинок. *Московский лингвистический журнал* 8(2).

Kindaichi Haruhiko.

1957. *Nihongo*. Tokyo.

1978. *The Japanese Language*. Tokyo.

Masuda, K. (ed.) 1974. *Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary*. Tokyo.

Miller, R. A. 1982. *Japan's Modern Myth. The Language and Beyond*. New York – Tokyo.

Shibatani M. 1990. *The Languages of Japan*. Cambridge.

Sugito Miyoko. 1983. Nagasaki-ken mie-mura ni okeru porivaanofu. *Osaka-shooin-joshi-daigaku-ronshuu*. 20. Osaka.

Tsunoda Tadanobu. 1978. *Nihonjin no noo*. Tokyo.